

После того случая в кабинете, когда принц устроил проверку, жизнь в Восточном дворце словно вернулась в прежнее спокойное русло. Однако под этой видимой безмятежностью что-то неуловимо менялось.

Сяо Цзинъянь больше не прибегал к прямым и явно выраженным провокациям в адрес Линь Су. Он по-прежнему ежедневно читал книги, упражнялся в каллиграфии и занимался текущими государственными делами, сохраняя невозмутимый вид, будто происходящее вокруг его мало заботило. Но частота и тщательность его наблюдений возросли многократно.

Он перестал видеть в Линь Су лишь инструмент для выполнения мелких поручений. Теперь он замечал, всегда ли пропорции воды и туши при растирании были идеальными, следил, с точностью ли до мелочей тот сортирует свитки по датам и категориям, и даже когда Линь Су замирал с опущенной головой, принц наблюдал за ритмом его дыхания и едва заметными движениями кончиков пальцев.

Линь Су же стал еще осторожнее. Он сжался, словно марионетка, чьи нити натянули до предела, и безукоризненно выполнял каждое указание — ни прибавить, ни убавить. Отвечая на вопросы, он всегда выказывал ровно столько робости и смирения, сколько требовалось, используя лишь самые простые слова и никогда не болтая лишнего. Он, казалось, полностью принял роль недалекого маленького евнуха, глубоко спрятав всю свою ловкость и проницательность. Лишь в укромных уголках, где никто не видел, он бросал быстрые взгляды, впитывая и анализируя информацию своими необычайно ясными глазами.

Он изучал приходящих в Восточный дворец людей. Помимо дяди Чжуна и Чжао Хуайяня, чиновники наведывались сюда крайне редко. Те же немногие, что появлялись, занимали невысокие должности и выглядели встревоженными — очевидно, требовалось немалое мужество, чтобы делать ставку на Восточный дворец, который со стороны казался тонущим кораблем. Линь Су также подметил, что возле кабинета постоянно крутились незнакомые младшие евнухи или служанки, которые под предлогом уборки или доставки вещей то и дело бросали по сторонам подозрительные взгляды.

Еще внимательнее он наблюдал за самим наследным принцем. Его Высочество питал особую слабость к живописи и каллиграфии, особенно к висящей во внутренних покоях старой картине «Картина со снежным бамбуком», на которую часто подолгу смотрел, погрузившись в свои мысли. Тушь, которой пользовался принц, источала тонкий, необычный аромат сосновой смолы. Когда Сяо Цзинъянь сталкивался с трудным местом в документах, он бессознательно постукивал указательным пальцем по столу. Принц казался спокойным, но глубоко в его глазах порой проскальзывали усталость и одиночество, которые было трудно скрыть до конца.

Это было безмолвное противостояние. Один — на виду, полный оценочных суждений; другой — в тени, полный бдительности и жажды выжить. Между ними пролегла огромная пропасть в социальном положении, но в этом взаимном наблюдении странным образом зародилась тонкая, негласная связь.

Однажды Сяо Цзинъянь, копируя прописи великого мастера прошлого, почувствовал, что не может уловить дух оригинала, и в его душе начало закипать раздражение. Он отложил кисть и,

посмотрев на Линь Су, замершего рядом, словно сосна, внезапно произвел:

— Подойди.

Сердце Линь Су сжалось. Он послушно подошел и, опустив голову, приготовился слушать.

— Посмотри на этот образец, — Сяо Цзинъянь указал на свиток, а затем на свою работу. — Как ты думаешь, чего мне не хватает?

Этот вопрос был куда коварнее, чем расспросы о кистях или смерти управляющего Ли. Оценивать каллиграфию, тем более — каллиграфию наследного принца, было не тем, что полагалось делать евнуху, и в таких разговорах легко было совершить роковую ошибку.

Линь Су опустил на колени, его голос дрожал от страха:

— Ваше Высочество, разве может такой ничтожный раб, как я, судить о Ваших трудах? Вы ставите меня в неловкое положение!

— Я разрешаю тебе говорить, — в голосе Сяо Цзинъяня не было слышно эмоций, но звучал непререкаемый приказ. — Я прощаю тебе дерзость.

Линь Су, распростершись на полу, помолчал, словно ведя внутреннюю борьбу. Наконец, он очень медленно поднял голову, мельком взглянул на обе работы и тут же снова опустил глаза. Его голос был тихим, как писк комара, но слова прозвучали отчетливо:

— Раб... раб осмелится высказать глупое мнение. Ваши иероглифы по форме очень похожи, но... в оригинале почерк более резкий и острый, словно клинок, вышедший из ножен, а Ваши... более мягкие и сдержанные.

Он говорил предельно осторожно, касаясь лишь очевидных различий в нажиме кисти, подбирая простые и даже немного неуклюжие слова. Он старался избегать любых глубоких оценок стиля или характера, а почерк принца назвал мягким и сдержанным, чтобы не сказать прямо о нехватке остроты.

Взгляд Сяо Цзинъяня дрогнул. Он снова посмотрел на обе работы. И в самом деле, при копировании он подсознательно смягчил ту холодную, отстраненную остроту оригинала, добавив привычную ему мягкость. Эту деталь даже многие знатоки каллиграфии не смогли бы заметить с первого взгляда, не говоря уже о том, чтобы выразить столь простым и прямым языком.

Этот маленький евнух снова, под маской глупости, проявил свою незаурядную натуру. Сяо Цзинъянь не стал хвалить его или расспрашивать дальше, лишь сухо заметил:

— Похоже, в отделе уборки ты слышишь куда больше, чем положено.

Линь Су вздрогнул и снова припал к полу:

— Раб болтлив! Раб заслуживает смерти!

— Встань, — Сяо Цзинъянь махнул рукой, словно потеряв интерес к расспросам. — Собери эти прописи. И те черновики, что в углу, тоже выбрось.

— Слушаюсь.

Линь Су, словно получив помилование, поспешно поднялся. Он осторожно просушил чернила на только что написанном листе, свернул его и убрал. Затем принялся за грудку смятой и испорченной бумаги в углу стола. Он действовал проворно, расправляя каждый лист (хотя их все равно предстояло выбросить) и аккуратно складывая их в стопку. Когда он дошел до последних листков, его движения едва заметно замерли.

Под одним из черновиков лежал клочок бумаги с рваным краем. Края его были опалены, а на поверхности виднелись обрывки слов и половина оттиска печати. Рисунок печати был весьма необычным — кажется, он где-то его видел. Неужели это одна из вспомогательных печатей Управления по делам церемоний?

Сердце Линь Су бешено забилося. Управление по делам церемоний — вотчина главного евнуха Гао, центр власти всех евнухов во дворце. Как под черновиками принца мог оказаться такой клочок? Попал случайно или... был подброшен?

Почти не раздумывая, Линь Су под видом уборки остальных бумаг очень естественно спрятал обрывок в самую середину стопки, плотно прижав его другими листами, чтобы снаружи ничего не было заметно. Его сердце колотилось, но руки оставались тверды, как камень. Независимо от того, была ли эта бумажка полезной и намеренно ли ее подложили, никто другой не должен был ее увидеть. Уничтожить ее — самый безопасный выбор.

Он взял стопку макулатуры и, поклонившись, произнес:

— Ваше Высочество, я пойду и утилизирую это.

— Хорошо, — Сяо Цзинъянь стоял к нему спиной, глядя в окно, и ответил лишь коротким словом.

Линь Су, не разгибая спины, медленно вышел из кабинета. Только дойдя до места, отведенного для сжигания мусора, и глядя, как стопка бумаг вместе с тем самым клочком превращается в танцующие искры и пепел, он позволил себе выдохнуть.

Осенний ветер принес прохладу, но не развеял туман в его душе. Каждое движение принца сегодня казалось многозначительным. Вопрос о каллиграфии был новой проверкой. А та грудa бумаг, которую нужно было утилизировать — не была ли она еще одним негласным испытанием? Испытанием на то, заглянет ли он в бумаги, найдет ли клочок и что с ним сделает? Что ждало бы его, если бы он хоть на миг проявил любопытство или странное поведение?

По спине Линь Су пробежал холодок, куда более сильный, чем осенний ветер. В этом Восточном дворце каждый шаг был подобен хождению по тонкому льду, и за каждым, казалось бы, обычным приказом могли скрываться непредсказуемые козни. Он поднял голову и посмотрел на величественные здания дворца — их изящные карнизы холодно блестели под лучами осеннего солнца.

А в кабинете Сяо Цзинъянь все еще стоял у окна. Фигура Чжао Хуайаня бесшумно, словно призрак, возникла за его спиной.

— Ваше Высочество, он сжег все сразу, без каких-либо странностей, — прошептал он.

Сяо Цзинъянь молчал, глядя на худую фигуру внизу, которая все еще смотрела на печь. Его взгляд был глубоким. Заметил ли тот евнух? Если заметил, но смог так хладнокровно и решительно уничтожить улику, то это выдержка и проницательность, не свойственные обычному слуге. А если не заметил... то как тогда объяснить его острую наблюдательность в отношении почерка? Скорее всего, он заметил, и сделал самый правильный, самый хитрый выбор.

Кончики пальцев Сяо Цзинъяня слегка постукивали по оконной раме. Этот Сяо Линьцзы был подобен книге, которую плотно закрыли, но на обложке которой проступало нечто необычное. Книге, которую хотелось открыть, но в то же время было страшно — не скрыт ли внутри смертельный яд? Кто он такой? Какие секреты прячет? Полезный человек или тщательно подготовленная пешка?

Бесчисленные вопросы кружились в голове принца. Но он знал, что больше нельзя торопиться. Чрезмерное давление лишь заставит испуганную добычу спрятаться навсегда или... обнажить клыки. Нужно терпение. Нужно ждать. Ему нужен был не просто послушный слуга, а человек, способный помочь ему пробиться сквозь отчаяние.

— Продолжай следить, — голос Сяо Цзинъяня был низким и спокойным. — Не будь навязчив, просто наблюдай.

— Слушаюсь, — ответил Чжао Хуайань и снова беззвучно растворился в тени.

Взгляд Сяо Цзинъяня по-прежнему был направлен на двор. Линь Су уже закончил с мусором и, опустив голову, медленно шел по коридору к своим покоям. Его тонкая фигура на фоне огромного дворца казалась крошечной, но в ней чувствовалась какая-то невыразимая стойкость.

Буря приближалась. В этом глубоком дворце ему некому было верить, не на кого опереться. Станет ли этот маленький евнух той переменной, что спасет его в безвыходной ситуации? Сяо Цзинъянь медленно отвел взгляд, и в глубине его глаз на мгновение промелькнула едва уловимая, даже для него самого, надежда.

Партия началась, фигуры расставлены. Каждый следующий шаг требовал еще большей осторожности.

А Линь Су в этот момент даже не подозревал, что, возможно, только что прошел молчаливое испытание. Он лишь чувствовал, что атмосфера в Восточном дворце стала еще тяжелее. Тот пепел, в который превратился клочок бумаги, казался дурным предзнаменованием. Он предвещал, что спокойные дни, возможно, подходят к концу, а настоящая опасность уже созревает там, где ее пока не видно.

<http://bllate.org/book/21784/2252689>